STUDIA HISTORICA

АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БУЛЫЧЕВ

МЕЖДУ СВЯТЫМИ И ДЕМОНАМИ

ЗАМЕТКИ О ПОСМЕРТНОЙ СУДЬБЕ ОПАЛЬНЫХ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАК» МОСКВА 2005 ГОД

ББК 63.3(2)46
Б 90

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 04-01-16045

Булычев А. А.

Б 90 Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. — М.: Знак, 2005. — 304 с. — (Studia historica).

ISSN 1727-9968
ISBN 5-9551-0096-2

В книге, на примере шести монашеских обителей, исследуются традиции церковного поминания жертв массовых репрессий в правление Ивана Грозного после введения в богослужебный обиход «Синодика опальных» 1583 г. Абсолютная свобода в избрании способов поминовения казненных единоверцев, предоставленная первым московским царем монастырским властям, породила уникальную ситуацию, когда одни калугеры поминали их как благочестивых почитаемых усопших, а другие, напротив, – как инфернальных «заложных» покойников, обреченных на вечные загробные страдания. Последнее в полной мере соответствовало умонастроению Грозного, воплотившего свои обширные познания книжной и традиционной культуры в пенальной системе, в основу которой был положен принцип умерщвления не только плоти, но и души преступника. Тщательно продуманная символика «обрядов» казни «государевых ослушников» в эпоху Опричнины с особенной отчетливостью проявилась в «безумной» практике сознательного истребления принадлежавшего им «скверного» имущества.

Предназначается как для профессиональных историков, так и для всех интересующихся историей Отечества.

ББК 63.3

© А. А. Булычев, 2005
© Знак, 2005

Содержание

Предисловие 7

I. Поминовение казненных в Опричнину православных христиан в русской богослужебной практике XVI – начала XVIII веков 11

II. Три наиболее распространенных казни-погребения опальных царя Ивана Грозного в зеркале традиции 43

1. «...Овеим же рыбиа утроба вечный гроб бысть» 48
2. «...Иссекли его в дробные части, поругались нехристиянски» 83
3. «...Отдать тебя псам на съедение» 108

III. «Всю скотину ... велел изрубить на куски и превратить в ничто, деревни и имения – сжечь и смешать с землей...» (Истребление «скверного» имущества как феномен средневековой культуры) 153

Послесловие 177
Примечания 181
Список иллюстраций 266
Список сокращений 270
Именной указатель 271

Вот, злодейством лютым обезличена,
Невместима совестью земной,
Непробудной теменью Опричнина
Заливает все передо мной.
И спускаюсь, медленно, как дух,
Казнь подглядывающий в аду,
Лестницею, узкою для двух,
В Александровскую Слободу.

Даниил Андреев «Гибель Грозного» (Поэма) [1]

Предисловие

Массовые казни в России второй половины XVI столетия уже более четырех веков будоражат людские умы и души. Иноземные очевидцы тех страшных событий, как только оказывались за рубежами Московской державы, не жалели красок для изображения откровенно беззаконного, антихристианского по своим приемам избиения подданных и военнопленных, учиненного самодержцем и его «кровоядцами», опричниками. Образ «грозного царя Ивана Васильевича», готового в приступе ярости лишить жизни даже родного сына, на которого пало несправедливое подозрение в «измене», запечатлен в фольклоре [2]. Между тем до сего дня не выяснен вопрос: каково в действительности было отношение русского общества к жертвам опричного террора? Воспринимались ли они в народном сознании как опасные злодеи, повинные в тяжких государственных преступлениях: сношениях с противником в ходе войны, злоумышлении на здоровье и свободу монарха, намерении узурпировать его власть, занятиях чародейством и т. д. [3], или же, напротив, считались мучениками, напрасно погубленными «злою» смертью? Например, по единодушному мнению московских книжников первой трети XVII в.,

едва ли не главной причиной системной катастрофы, обрушившейся на страну в начале столетия, стало «всего мира безумное молчание» (иначе: «бессловесное молчание») в годы репрессий «тирана Васильевича»[4]. Но таким ли уж справедливым был горький упрек средневековых интеллектуалов, брошенный своим отцам и дедам спустя более трех десятилетий после кончины Ивана IV? И, наконец, не изменился ли взгляд самого венценосца на опальных после введения в литургический обиход «Государева» синодика 1583 г.? Ведь, если при этом Грозный не намеревался реабилитировать убиенных единоверцев, официально «очистив» их от столь тяжких обвинений, то последние не имели ни малейшего права на молитвенное поминание за общественным богослужением в Церкви.

Люди Средневековья верили, что важное влияние на загробную судьбу христианина, наряду с церковным ходатайством о прощении греховных деяний на литургиях и специальных панихидах, оказывали обстоятельства его кончины и способ погребения. Не случайно государственная власть сознательно подвергала преступников «душегубственным» казням, которые изначально не предполагали захоронения «нечистых» останков в земле. Впрочем, даже в том случае, если после исполнения экзекуции тело осужденного сохранялось в относительной целостности, то оно либо долгое время оставалось не погребенным, либо предавалось земле вне пределов православного кладбища[5].

Предлагаемая книга представляет собой заметки, в которых изучается посмертная участь опальных Ивана Грозного с момента их гибели от рук палачей (включая способы похорон «царевых ослушников») и до начала литургического поминовения в храмах, наравне с другими «добрыми христианами», в последний год жизни жестокосердного монарха. Особое внимание при этом уделяется не только проблеме строгого соблюдения «тираном Васильевичем» древнерусских «пенальных» традиций, но и открывшемуся в ходе изысканий поразительному разномыслию насельников различных обителей при учреждении богослужебного поминания жертв массовых репрессий в 1583 г.

Публикация настоящих заметок была бы невозможна без благожелательной поддержки коллег, сделавших немало ценных замечаний при обсуждении отдельных сюжетов на заседаниях се-

минара «Социально-политическая и культурная история России XII–XVIII веков» (РГАДА) и в многочисленных личных беседах. Поэтому автор считает своей приятной обязанностью выразить искреннюю благодарность за помощь и поддержку Б. Н. Флоре, А. А. Турилову, Ю. М. Эскину, Ю. Д. Рыкову, В. Г. Ченцовой, Э. Тейро, Б. Л. Фонкичу, В. Д. Назарову, В. В. Калугину, Е. М. Юхименко, А. В. Лаврентьеву, К. В. Баранову, С. Н. Кистереву, О. А. Курбатову, А. В. Малову. Отдельная благодарность моей жене А. К. Булычевой, на чью долю выпало быть первым читателем и нелицеприятным критиком данной книги.